

Когда всё было улажено, оставалось лишь признать лекарей и даосов для наблюдения за плавкой пилюль. С лекарями было проще: не только следовало послать людей из Императорской медицинской академии, но и вызвать старого лекаря, который ранее проверял лекарство, дабы узнать результаты за это время. А вот с даосами выбор был сложен. В столице не было особо известных школ Золотой пилюли; даже император Чжэнь-цзун, столь почитавший Дао, никогда не принимал пилюли. Кто знал, каково искусство прибывших?

Долго думал, но так и не придумал кандидата, и Чжао Сюй спросил:

— Каким образом выбрать людей для проверки пилюль?

Хань Ци ответил:

— У школы Шанцин также есть методы плавки пилюль, к тому же она сама является главной ветвью в учении о магических реестрах. Не лучше ли пригласить мастера высоких заслуг?

Знающие о пилюлях, но не из школы Золотой пилюли — не будет конфликта интересов. Должно быть, они будут и беспристрастнее? Чжао Сюй, услышав это, кивнул и приказал людям пойти в храм и пригласить.

Всё было решено. Толпа людей села вдалеке в водном павильоне, готовая наблюдать, как создают духовную пилюлю.

□

— Император повелел нам явиться к его стопам для проверки пилюль? — Получив устный указ, доставленный малым евнухом, настоятель храма Высшей Чистоты, Сюаньюань-цзы, чувствовал, как сердце екнуло. В Восточной столице столько даосских храмов, почему указали на него?

Если бы раньше, то внимание Сына Неба было бы делом, приносящим великую честь. Это и прекрасная возможность проявить славу школы Шанцин. Но что это за ситуация сейчас? Только что подставили того юного даоса, и вот призвали к стопам Сына Неба, чтобы смотреть, как тот плавит пилюли. Как ни смотри, а тут есть нечто подозрительное!

Он подмигнул ученику, и даос Ван поспешно собрал рукава, небрежно передав серебряный слиток в руки того евнуха:

— Осмелюсь спросить, высокородный, почему Сын Неба выбрал именно нас?

Тот евнух пощупал серебро в руке, выражение лица смягчилось:

— Не стоит тревожиться, наставник. Министр Хань порекомендовал школу Шанцин Сыну Неба, нужно лишь беспристрастно проверить пилюли.

Как можно не тревожиться!

Услышав слова «министр Хань», у людей школы Шанцин спины покрылись холодным потом. Чтобы вытеснить того юного даоса, они распускали слухи, позволившие врагам министра Ханя найти зацепку. А тут министр Хань рекомендовал их к стопам Сына Неба — разве это к добру?

Что же делать? Даос Ван потерял голову от беспокойства и посмотрел на учителя. Сюаньюань-цзы был более спокойным, слегка улыбнулся:

— Раз уж Сын Неба призвал, старый даос отправится лично.

По сравнению с учениками, ему было надежнее идти. Не смея медлить, Сюаньюань-цзы сменил одежду и, взяв двух учеников, отправился во дворцовый город.

Будучи главой школы Шанцин в Восточной столице, Сюаньюань-цзы, разумеется, выглядел превосходно: в развевающейся одежде журавля, высокой шапке даоса, с белоснежными волосами и бородой — подобающий образ «постигшего Дао возвышенного человека». Когда он появился перед Сыном Неба, у всех присутствующих глаза загорелись.

Чжао Сюй с улыбкой произнес:

— Заранее благодарю, что проделали путь. Нам известно, что школа Шанцин владеет магическими реестрами, но известно ли вам, сведуете ли вы в искусстве пилюль?

Сюаньюань-цзы слегка поклонился:

— Доложу Государю, в юности я также изучал искусство пилюль, но сей метод полагается на внешние предметы и не позволяет достичь глубины, посему я обратился к изучению реестров.

Отношение школы магических реестров к искусству Золотой пилюли не показалось Чжао Сюю странным; напротив, он счел, что это даже лучше. Если бы приехала школа Золотой пилюли, они могли бы из зависти злословить на наставника Чжэня или, желая защитить искусство плавки, обманывать и приукрашивать. А со стороны не связанной школы, пожалуй, будет надежнее.

— Превосходно. Сегодня наставник Чжэнь будет создавать духовное снадобие, и необходимо, чтобы сведующий в искусстве пилюль наблюдал за процессом. Прошу вас, наставник, взять это на себя. — Чжао Сюй указал на печь для пилюль, стоявшую во дворе, и улыбнулся.

Оказывается, не проверяют пилюлю, а смотрят на процесс плавки? Сюаньюань-цзы почувствовал укол в сердце и стал настороже. Это как-то не так. Если бы и вправду было духовное снадобие, разве можно было позволить посторонним смотреть на процесс? Его искусство пилюль хотя и не было слишком хорошим, но память была не плохая. Позволь ему увидеть процесс создания, и он мгновенно сможет выучить его на семь-восемь десятых, а для того юного даоса это был бы убыточный торг.

Неужели у министра Ханя иной глубокий смысл, и он хочет выяснить, действительно ли школа Шанцин стояла за теми действиями?

Он украдкой взглянул на сидевшего в стороне министра Ханя: выражение лица было обычным, ничего не видно. Старый даос принял строгий вид и почтительно произнес:

— Смиренно приму повеление.

Сегодня нельзя было творить зло, и смотреть, как тот юный даос плавит пилюли, тоже нельзя было слишком внимательно, дабы не вызвать подозрений у министра Ханя. Надо было действовать великодушно, не оставляя прорех.

Старый даос, держа в руках мухобойку, принял вид даоса с ветром костей и подошел во двор. Чжэнь Цюн уже давно ждал и, увидев, что люди наконец прибыли, не мог не вздохнуть с облегчением:

— Садитесь здесь сойдет, скоро помните задержать дыхание.

Задержать дыхание? Сюаньюань-цзы был в недоумении, но прежде чем успел спросить, Чжэнь Цюн уже надел маску, закатал рукава и начал разжигать огонь для плавки пилюль.

Лицо Сюаньюань-цзы позеленело. Зачем он надел тряпку, закрывающую лицо? Точно, задержать дыхание! Неужели есть яд? Не заботясь более о виде даоса с ветром костей, он поспешно поднял рукав, закрывая рот и нос, и в сердце чертыхался. Если дым ядовит, то что это за чертовщина называется духовной пилюлей?

Однако, хотя на душе было беспокойно, он не смел отводить взгляд, только смотрел, как тот юный даос, словно повар, то машет опахалом, то перемешивает, хлопоча без устали.

И вправду был ядовитый дым. Видя, как Чжэнь Цюн снова надел тряпку, Чжао Сюй тоже облегченно выдохнул. Хорошо, что у него была предусмотрительность, и он заранее велел отодвинуть печь подальше. Эх, этот наставник Чжэнь во всем хорош, только в плавке пилюль всегда неизвестно на что, смотрится жутковато.

Отведя взгляд, он обратился к старому лекарю, который только что вошел во дворец:

— Старец Ма, в последнее время вы проверяли пилюлю защиты сердца, удалось ли выяснить её действие?

Старый лекарь Ма уже семь-восемь лет назад покинул Императорскую медицинскую академию, но его искусство не убавилось, к тому же он был искусен в лечении сердечных недугов и славился как божественный лекарь. Перед лицом вопроса Сына Неба он не стал скрывать:

— Пилюлю защиты сей я, старик, испытал на семи-восьми больных, и эффект, право, неплох. Когда начинается боль в сердце, стоит лишь зажать под языком одну пилюлю, и боль утихает. Был случай: лицо посинело, пульс ослабел, человек едва не скончался, но после приема трех пилюль удалось спасти его.

— Вправду так полезно? — удивленно произнес Чжао Сюй. Он думал, что «возвращение к жизни» — это лишь слухи, не думал, что на самом деле есть такой чудесный эффект!

— Польза великая! Однако сие не небесная пилюля, бывают случаи, когда лекарства и камни не могут достигнуть. У одного больного первые два приема помогли, но в последний раз внезапно поразила истинная сердечная боль, выступил несмолкаемый пот, руки и ноги посинели до суставов, и прием лекарства оказался бессилем вернуть жизнь. — Старый лекарь глубоко вздохнул. — Но сердечный недуг — неизлечимая болезнь, если позволить обреченному прожить еще несколько месяцев, это уже лучше, чем большинство мирских лекарств.

Старый лекарь говорил тяжело, но стоящие вокруг сановники имели горящие взгляды. Те, кто мог стоять в чертоге Чуйгун, были уже не молоды, и у некоторых уже были признаки сердечных недугов. Даже если у них самих не было болезни, дома, возможно, были престарелые отец и мать. Не говоря уж о сыновней почтительности, позволить родителям прожить еще год-полгода — это разница между трауром и вступлением в два совета, как же можно не заботиться о спасительной духовной пилюле?

Сразу же все снова посмотрели на юного даоса вдали, и его небрежный вид больше не казался таким режущим глаз.

Конечно, Сюаньюань-цзы все еще считал, что тот режет глаз до смерти. Он видел, как тот юный даос возился полдня, прежде чем открыл печь, достал из водяного треножника

бесцветную жидкость, бросил немного похожего на белую соль вещества, затем взял известь и угольный порошок для обжига — не зная, что именно тот хочет создать. Он мог лишь силой запомнить вкладываемые лекарства и примерные пропорции, но не смея смотреть слишком внимательно, чтобы не вызвать подозрений. Ему также приходилось прикрывать нос, уклоняясь от разносимога ядовитого дыма, что было до крайности жалким зрелищем.

Одни за другим хрустально прозрачные стеклянные сосуды использовались, словно не стоят денег, отчего у Сюаньюань-цзы разболелись зубы. Неизвестно, было ли это необходимым или же юный даос привез это, чтобы хвастаться перед Сыном Неба. Чтобы подобрать такой набор, не меньше как сотни тысяч монет потребуется, и не факт, что купишь.

Закончив возню в печи, он увидел, как тот юный даос снова поставил большой котел, влил много масла, добавил прозрачную вязкую жидкость и начал варить. Запах свиного жира был неплох, но что это такое он варит? Он только что создал три вида водных жидкостей, неизвестно, какую из них добавил, и вправду непостижимо...

До разделения глицерина еще было время. Закончив варку, Чжэнь Цюн, пока огонь остывал и всё остывало, взял серную кислоту и соль, нагрел их с водой и выделил немного соляной кислоты, затем смешал соляную кислоту с уже готовой азотной. Прошло уже много времени, Сын Неба и другие, возможно, уже стали нетерпеливы. Не лучше ли сначала сделать что-то для поднятия духа, возможно, это и развеселит Сына Неба. Подумав об этом, он взял тот маленький стеклянный стакан, подошел к павильону и представил:

— Государь, это иное снадобье в виде жидкости, что я приготовил, зовется царская водка. Даже золото способна растворить!

<http://bllate.org/book/16827/1547577>